

ПРИЗНАНИЕ

Больше дела —
меньше слов

Статус цехового комсомольского секретаря позволил мне участвовать в ежемесячных активах четырехугольников подразделений комбината в ЦЗЛ. Ну, участвовать — излишне громко сказано. Скорее, присутствовать. Тогдашний директор Дмитрий Прохорович Галкин на пару с проникающим в душу ленинским взглядом с центральной стены требовал подробный отчет с руководителями производств, управлений, отделов. Газетной идилией о планах-сверпланах здесь и не пахло. Каждый что-то мямлил о непредвиденных обстоятельствах, тянулся читать заготовленную бумажку с самоотчетом. И лишь один вышел — грудь колесом, без бумаг, с горящими глазами. Мол, сколько дадите чугуна, столько и разольем. Понятно, не на железнодорожные пути, а после мартеновской переплавки в строительные изложницы. Смех в зале: вот так отчет и планы... По-доброму расхохотался и директор. Все бы так работали, не языком, но головой и руками. Правильно догадались: это был главный сталеплавильщик Ромазан.

Семь докладов

Та первая и печальная встреча с И. Ромазаном могла оказаться и последней, особенно после его перевода в Тагил и начавшейся карьеры в Минчермете. Горбачевская перестройка и обновление кадров сделали Ивана Харитоновича директором ММК, членом ЦК КПСС, а меня, как тогда было модно перед очередным назначением, инструктором парткома.

И вот опять — зал ЦЗЛ. Ромазан уже первым лицом — на той же трибуне, я перед ним в первом ряду. Работу дали такую: все выступле-

Девяносто первый войдет в историю XX века как переломный в России наравне с семнадцатым и сорок пятым. А у каждого из нас, металлургов Магнитки, это был и год другой потери — Ивана Харитоновича Ромазана. И большинство из рядовых видели его последний раз в многолюдье яркого праздника Дня металлурга. Вспомним...

МОЙ РОМАЗАН

ния записывать, на поставленные вопросы добиваться ответов. Коротко, реагировать на мнения. Ромазан начинает читать доклад парткома о перестройке. Тяжко вздыхает — это не по нему, нудно и скучно. Начинает рубить правду-матку от себя. Я лихорадочно фиксирую. Потом второй актив, третий... седьмой. Ромазан удивленно следит за мной, таким сверхпорядочным активистом, любящим каждое его слово. Семь раз подряд. Ему докладывают, что это — «свой». Он, с привычной смешинкой в глазах, в перерыве тянет свою лапшу: «Ну тогда привез своему, метал-лур-гу». Слышится и что-то обидное: он с народом дело делает, а мы тут отвлекаем его на активности, словопроения.

Делегат

Директор Магнитки — всегда наш делегат в Москве. В 1986 на XXVII съезд КПСС И. Ромазан съездил по старинке, по разнарядке. Вернулся членом ЦК, то есть главнее первых секретарей райкома, горкома, обкома, не говоря уж о парткоме. И это ему аукнулось с самой, казалось, неожиданной стороны. На очередную партконференцию, где даже Ельцин просил реабилитации — так сильно еще была партия — вдруг альтернативу сделали механики ММК, выдвинув своего коммуниста. Районный актив после жарких дискуссий — «даешь одного делегата с ММК, другого — от района!» — отверг сталевара-металлурга, но и Иван Харитонович едва удержался. Пришлось после конферен-

ции отчитываться в этом же зале, впервые увидевшим директора комбината, больше озабоченного работоспособностью гигантского механизма ММК, а не чистотой тротуаров и наглядной агитацией. Кое-кто из того актива сидит за воровство, иные... готовятся сесть. В компартии ни один оппозиционер Ромазана не остался.

Ельцин настоял на досрочном съезде КПСС, на котором лихо вышел из нее. Ромазан тоже вернулся «без»: без привычных погон члена ЦК. Но и до того ему пришлось несладко. Что говорить, даже меня уже изгнанного из парторганов за свободомыслие, тягали в партком и требовали не агитировать за Ромазана. Мол, зачем ему делегатство, зачем ему съезд, партия... Как же трудно было Ивану Харитоновичу, когда в спину били вчерашние свои. Как-то даже заявили — отобрать у директора служебный автомобиль. Пусть ходит пешком. Несмотря на протез...

Депутат

Директор Магнитки — это всегда депутат Верховного Совета. Но если горбачевский съезд подоспел «вовремя» и сходу ввел И. Ромазана в партэлиту, то выборы в Советы состоялись в 84-м, так что депутатских полномочий И. Ромазану пришлось ждать почти всю XII пятилетку. Да и ждал ли он этого? Конечно, нет. Перевод власти от парторганов в Советы (оказавшийся позже лишь маневром «умных, но бедных») вылился в поголовную профессионализацию все и вся. В худшем смысле

этого слова. От мэра микрорайона до главного «советчика» — антисоветчика Ельцина все ринулись делить бюджеты. Вместо их наполнения. Иван Харитонович в кулуарах грозился нам снять свою кандидатуру на выборах в Верховный Совет СССР, если отправим его в Москву. Как депутата-профессионала. Рябков в узком кругу признавался, что это — по нему. В красной сотне депутатов от КПСС И. Ромазан не затерялся. Конечно, ни о каком переезде в Москву и речи не шло. Комбинат уже вовсю лихорадило шахтерскими «демократическими» забастовками. Пожалуй, именно в эти годы и надорвался Иван Харитонович. Не тогда, когда, не зная границ трудовой смены, трудовой недели, трудового года, без усталости лазил по всем закоулкам комбината. Ему это было в охотку, в радость — пахать и пахать, среди рабочих и инженеров, в привычной фуфайке и каске, безбожно опаздывая на все увеличивавшиеся по количеству и продолжительности активы, заседания, сессии. Смех и грех, голосованием решали пускать или не пускать ККЦ. Ага, давайте оставим старикашки-мартены. Или ельцинские разбойничьи действия против Союза и его структур, в числе которых и союзобразующие гиганты индустрии — ММК в первом ряду? На том, последнем Дне металлурга в 91-м, мы очень-очень радовались, что Иван Харитонович стал Героем Социалистического Труда. Последним в Магнитке и Союзе.

...Я не хоронил Ромазана. По статусу депутата вроде бы и мог бро-

сить работу на полдня. Нет, хотелось запомнить его живым, неунывающим. Да и лучший памятник ему не тысячи идущих за гробом (это и мафия умеет организовать), но наша работа и работа. Иван Харитонович сгорел на работе. Будем достойны и памятливый.

Анатолий МЯГКОВ,
инженер ОАО «ММК».
Фото Евгения КАРПОВА.
1 мая 1989 г.

ЮБИЛЕЙ

Общаясь с ним, забываешь,
что он родился еще
до начала первой
мировой войны —
столько в его взгляде
юношеского
оптимизма...

Жизнь его вписалась в историю рудообогатительных фабрик ММК. А точнее — он сам создавал ее.

Выбор профессии был неосознанным для молодого Вилиса Бергмана. Детство и отрочество его заполнены постоянными переменами: после отправки отца на германский фронт мать, боясь остаться «под немцем», с двумя сыновьями навсегда покидает родную Латвию. После демобилизации отец приезжает к семье в Тюменский край. Когда Вилису исполнилось семь лет, умирает мать и отец с сыновьями уезжает поближе к своей исторической родине. Места следующего проживания — Великие Луки, Псков. Отец, работая в паровозной бригаде, надолго отлучался из дома и был вынужден определить сыновей в детский дом.

Среднее образование братья получили в латышской школе Ленинграда, без особых осложнений поступили в горный институт. Яков становится геологом, Вилис — обогатителем.

Именно здесь Вилис узнает о великой стройке у горы Магнитной. Преддипломная практика в Красноуральске близ Свердловска совпала с пребыванием в нем Серго Орджоникидзе. На одном из совещаний с руководителями горно-обогатительного хозяйства нарком обратил внимание на двух незаметно держащих себя людей. Узнав, кто они, заявил: такие сейчас просто необходимы. И — как бы определил им дальнейший жизненный путь на Магнитку.

В 1935 году большая группа выпускников института — будущих первых руководителей горнорудного хозяйства — прибывает в Магнитогорск. Но дипломы на руки новоиспеченным специалистам не выдают, чтобы они не могли покинуть стройку. И Магнитка стала второй родиной латыша Вилиса. Трудовой путь Бергман начал с должности мастера. Несколько месяцев спустя он уже возглавляет

одну из смен бригада Бергмана дробит 103 думпкара руды. Начальник рудообогатительных фабрик И. Матвиевский, часто поощрявший Вилиса на самостоятельные решения, обескуражен этим рекордом. Достигнутый результат стал поводом для пересмотра организации труда.

Вскоре Вилис Бергмана перевели на рудоиспытательную станцию. Руководство участком, на котором обрабатывалась технология обогатения, было одновременно и внезапным,

Бергмана, который с присущей ему ответственностью и самоотверженностью принял за дело. В то время проводили серьезные исследования и испытания руд, разрабатывали схемы их обогащения. Бок о бок с Бергманом работает ученый Г. Юденич, ставший впоследствии доктором технических наук и написавший учебники. Благодаря их содружеству родились промывочно-обогажительная фабрика и дробильно-обогажительная фабрика сульфидных руд.

В 1942 году отстойные воды прорывают дамбу шламохранилища, водяной поток останапливает прокатные цехи. Начальник дамы снят и осужден за вредительство: время — военное. В те дни наиглавнейшим делом стало восстановление насыпи. Вилис Вилисович назначает руководителем, привлекают научных светил. Теоретически проблем нет, но восстановлению мешает неукротенный поток шламов. Московский специалист в тупике, задачу он решить не может. А производственная смекалка и пылливость нового начальника дамы навели на решение. Столичный профессор по возвращении домой сообщает в научной публикации о сути технической находки Бергмана, «...забывая» поставить фамилию автора идеи.

Вилис Вилисович удостоен многих правительственных наград, но считает, что звезд с неба не хватало. Достоинство и скромность составляют его суть. Доказательством является такой факт. Вилис Вилисович вступил в партию, имея полтора десятка лет руководящей работы. Убедил его вступить в ВКП(б) начальник горного управления В. Котов.

Пройдя все ступени роста в цехе, он работает в горном управлении заместителем главного инженера, начальником технического отдела...

Уже около трех десятков лет Вилис Вилисович на пенсии. Живет вместе с дочерью — инженером-обогатителем — и внуками. Нынешний год юбилейный и для В. Бергмана, и для цеха обогащения. 26 июля ветерану исполняется 90 лет, а в декабре его цеху — 70. Доброго здоровья ветерану, доброго пути рудообогатительной фабрике.

Вячеслав МАМКИН,
шламовщик цеха РОФ.
Фото из семейного архива.

КРЕСТНИК СЕРГО

комсомольско-молодежную бригаду. Пылкий инженер видит все промахи в работе. Их основная причина — расхлябанность и неумелая организация. Бергман просчитал: используя резервы, можно за смену дробить более 50 думпкаров руды. Обговорив свой замысел с начальниками смен транспорта и рудника — выпускниками его родного института — в

и закономерным. В 1939 году НКВД арестовал лучших специалистов. В их числе и те, которые носили немецкие фамилии: Шварц, Шнитман. Не дожидаясь ареста, навсегда покинул Магнитку начальник РИСа Попков. Начальник горнорудного управления В. Котов назначил руководить «обезглавленной» станцией и химической лабораторией Вилиса